

Томские
имена

«Не омрачать

(Окончание. Начало в № 83)

После трагических событий жена Николая Александровича по-прежнему жила в Ново-Кусково. Общались с ней уже меньше — всего боялись. И, тем не менее, в трудные минуты вспоминали о ней и обращались за помощью. Как и раньше, никому не отказывала. Ничего не зная о судьбе мужа, она до конца своих дней продолжала его ждать и верила, что он вернётся. Однако не дожидаясь до того времени, когда пришло известие о том, что дело Н. А. Лампсакова было пересмотрено Томским областным судом. 1 октября 1956 года постановление тройки УНКВД ЗСК от 18 августа 1937 года было отменено, дело прекращено за отсутствием состава преступления. Инициатором пересмотра выступил Михаил Николаевич, приёмный сын Лампсаковых. Он был убежден: отец являлся жертвой недоразумения или прямого оговора. Как и многие другие, Николай Александрович был реабилитирован посмертно.

Память о замечательном докторе и человеке все эти годы жила среди новокузковцев. О нём не позволяла забыть и больница, им построенная. Все эти годы она служила сельчанам. Нашлись люди, которые посвятили жизнь тому, чтобы реабилитировать имя первого доктора Причулымья и увековечить память о нём. И среди них Иван Митрофанович Непомнящих. Хотя минуло много лет, он бережно хранил в памяти всё, что связано с Н. А. Ламп-

сакковым, помогал сотрудникам Асиновского городского архива и музея собирать сведения о нём. Добиваясь справедливости, ходил по инстанциям областного центра, писал письма в различные организации, обращался к журналистам районных и областных газет. И, казалось, добился справедливости. 27 мая 1988 года сельский сход жителей Ново-Кускова постановил дать улице Больничной имя доктора Лампсакова и ходатайствовать об установлении мемориальной доски на здании больницы. Однако благородная инициатива новокузковцев натолкнулась на активное противодействие партийных историков.

— Мы уже готовы поставить на пьедестал всех репрессированных, — в голос заявили заведующий партийным архивом обкома КПСС С. Ф. Мозголин и бывший преподаватель истории КПСС

и просит ходатайствовать перед начальником губернии об обеспечении надёжной охраны больницы. В противном случае пребывание и работа на пункте невозможны.

Это письмо, а точнее, его заверенная копия, явилось главным «аргументом» партийных историков для доказательств вины Лампсакова. Подготовила этот документ к печати для книги «Борьба за власть Советов» В. А. Соловьёва, предумышленно опустив места, где говорится об убийствах мирных людей, «признаваемых военными красными комитетами вредными для красных». Ведь нельзя же бросать тень на борцов за Советскую власть.

Больница была в эпицентре драматических событий, но с Н. А. Лампсаковым вынуждены считаться как белые, так и красные. Зная об этом, доктор использует любую возмож-

ность, чтобы помочь людям. Лечит всех без разбору, и белых, и красных. Спасает крестьян от унижительных экзекуций белых. Когда узнаёт о намерении колчаковцев поджечь село, заявляет: в таком случае он со всем медперсоналом уйдёт в отставку. Угроза подействовала.

Вот так инициатива односельчан была приостановлена. Но новокузковцы не смирились с таким решением. Они обратились в областную суд, который полностью реабилитировал доктора, доказав его невиновность как по 1937, так и по 1919 году. Что же это за аргументы, на основе которых партийные историки вынесли свой вердикт? Обратимся к сборнику документов «Борьба за власть Советов», вышедшему в 1957 году, где есть документ 1919 г. — сообщение Н. А. Лампсакова своему начальству в губернии о тех беззакониях, которые творятся в деревне.

Весна 1919 года. За Уралом создано В Сибирское временное правительство. В Ново-Кусково продолжается мирная жизнь. Но в апреле в Причулымье вспыхивает восстание.

Однажды ночью отряд партизан врывается в Ново-Кусково, громит земскую управу, милицию. Убиты двадцать пять человек. Врачебный пункт оказался во фронтовой зоне. Утром в больницу доставлен раненый милиционер, которому тут же пришлось ампутировать руки. Вернувшиеся днём партизаны убили прооперированного милиционера и грозились расстрелять лежачих его. Н. А. Лампсаков с семьёй и лекпомом Ратковским скрылись на острове реки Чулым.

Позже, узнав об авторитете Лампсакова среди жителей, партизаны заперили, что врачебному пункту ничто не угрожает. Слух мгновенно докатился до острова. Все вернулись домой. Вскоре в село прибыл правительственный отряд. Командир объявил больницу на осадном положении. Обо всём этом доктор Лампсаков рассказывает в письме своему руководству в Томское переселенческое управление

ТГУ В. А. Соловьёва. — А ведь Лампсакова реабилитировали по 1937 году, а не по 1919-му.

Совсем недавно обнаружился интересный факт, который можно отнестись к событиям тех грозных лет. Рассказала об этом медсестра новокузковской больницы Ирина Петровна Дейкун. Оказывается, лет десять назад в подполье здания общего отделения больницы обнаружен был подземный ход. Когда была вскрыта дверь, увидели лаз, который вёл в сторону высокого берега речки Соколы. Он обрывался. А ещё через два года, когда ремонтировали трассу отопления, обнаружили продолжение этого подземного хода и небольшое помещение, выложенное брёвнами. Там нашли керосиновую лампу и ампулы с лекарствами, на которых был изображён царский герб — двуглавый орёл.

Мы можем только предполагать, для чего был вырыт этот лаз, как там оказались эти лекарства и лампа. Возможно, доктор прятал там больных, за жизнь которых опасался.

Был ещё один аргумент у партийных историков, препятствовавший народной инициативе по увековечению памяти доктора Лампсакова. Ещё в 1937 году, чтобы предьявить Лампсакову хоть какие-то обвинения, нашли одного человека, обиженного доктором. Им оказался житель соседнего села Казанка Никита Кузьмич Левин. С 1931 по 1933 год он работал в больнице по направлению горкома партии.

— По всей вероятности, Лампсакову навязали его в завхозы. Всё-таки бывший партизан, партийный, — вспоминал старожил с Ново-Кусково М. Ф. Ситников. — Сам Лампсаков вряд

ли взял бы его по доброй воле. Человек он был несобранный. Любил выпить. Неудивительно, что скоро врач вынужден был его уволить.

А тот за это затаил обиду. Подтверждение этому работники Асиновского краеведческого музея нашли в деле Лампсакова. Сначала имя Левина всплыло в характеристике обвиняемого. Председатель сельсовета Петров и секретарь Попов вынуждены признать: «Лампсаков имел большую популярность среди населения». Чтобы угодить высшей инстанции добавляют: «Особенно среди зажиточного населения. В то же время к лечению партизан относился самым скверным образом (Н. К. Левин)». Выходит, из всех партизан отыскан лишь один «обиженный».

В 20-е годы все хорошо знали, что Лампсаков дважды спас Левина от

Поэтому, наверное, и вёл двойную игру партизан Левин, тем более, что его славу героя-партизана увековечил наш писатель-земляк Георгий Мокеевич Марков. В своём первом романе «Строговы», посвящённом событиям гражданской войны у нас в Сибири, он создал образ деда Фишки. Прототипом этого литературного героя стал его родственник — Афиноген Данилович Печенин. А вот его партизанскую биографию он списал с судьбы Н. К. Левина. После выхода романа в свет Георгий Марков подарил книгу Левину с такой надписью: «Деду Фишке — Никите Кузьмичу Левину с глубочайшим уважением автор Г. Марков». Как после такой славы и такого признания можно было сомневаться в словах этого человека?

Но тайное всегда становится явным. Неправедливость восторжествовала

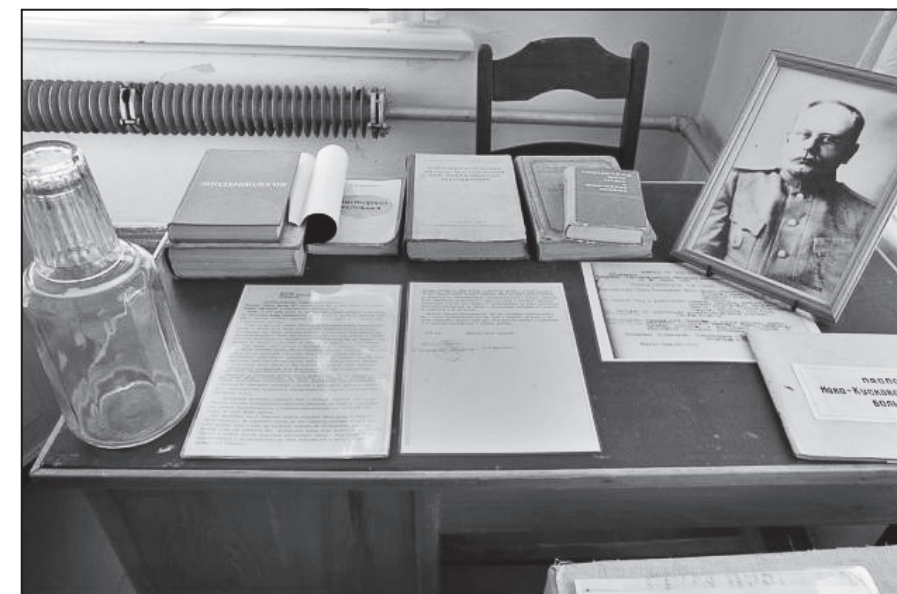
бездомных, обиженных судьбой. Помню Полю Айбазакову, слепого Гришу, которого лечили от трахомы и приютили его с женой Машей. В Томске подобрали беспризорницу Акулину. Воспитали, научили кулинарному делу. Своих детей у них не было. Они взяли на воспитание сироту Мишу и усыновили его.

Этот мальчик всю свою жизнь любил и почитал своих приёмных родителей. Он ни секунды не сомневался, что отец стал жертвой чудовищной несправедливости. Как мог, поддерживал мать, а когда времена изменились, сделал всё, чтобы добиться пересмотра дела отца.

Об этом пишет Е. И. Ратковская в своих воспоминаниях:

«Это была интеллигентная семья, образец семьи, можно сказать. Все у них было дружно, сердечно. На людях

Чести сословия»

они звали друг друга „Николай Александрович“ и „Елена Дмитриевна“, а дома — „Коля“ и „Леля“.

Николай Александрович был настоящий земский врач, который, казалось, знал и умел всё. Всех больных знал по имени и отчеству, а у замужних женщин даже девичьи фамилии помнил. Бывали тяжелейшие случаи заболеваний плевритом, крупозной пневмонией, серьёзные травмы. И мы выхаживали таких больных, не имея антибиотиков и других эффективных медикаментов, которыми располагает современная медицина. Как единственное средство, использовался уротропин, а воспаление лёгких лечили банками да камфорой».

Елена Ивановна также вспоминает, что в коллективе было человек пятьдесят. Медсёстры не имели специального образования, все осваивали профессию на практике под руководством доктора Лампсакова. Многие процедуры, которые выполняет сейчас средний медицинский персонал, приходилось делать врачам. Жили дружно, праздники проводили все вместе. Раз в месяц Николай Александрович приглашал к себе своих коллег ответить вкуснейшего сыра, который сам делал, — в хозяйстве у Лампсаковых было две коровы. Вот таким простым, открытым, добросердечным предстаёт перед нами спустя десятилетия доктор Лампсаков.

(Окончание на с. 6)

МУРАВЕЙНИК
4 декабрь 2013 г.
стр.

декабрь 2013 г.

стр.

5